
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-4-36-42
УДК 343.13

Дата поступления статьи: 14/X/2019
Дата принятия статьи: 20/XI/2019

В. С. Шадрин

РАЗНОВЕКТОРНОСТЬ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА – ПАРАДОКС ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ?

© Шадрин Виктор Сергеевич (vikt-shadr@yandex.ru), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 191104, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Литейный проспект, 44.

Тема докторской диссертации: «Обеспечение прав личности при расследовании преступлений». Автор и соавтор 240 научных и учебно-методических публикаций, в том числе автор монографии «Обеспечение прав личности при расследовании преступлений» (М., 2000), соавтор научно-практического комментария к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (М., 2002–2014).

Область научных интересов: досудебное производство, обеспечение прав личности, уголовно-процессуальная деятельность прокурора.

АННОТАЦИЯ

В статье обращается внимание на внесение в уголовно-процессуальный закон в целях совершенствования уголовного судопроизводства изменений и дополнений часто противоположного характера – направленных одновременно и на защиту вовлекаемой в производство по уголовному делу личности, в том числе в качестве подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, и на усиление возможностей уголовного преследования указанных лиц. Ведущая роль в определении векторов развития уголовного судопроизводства принадлежит, разумеется, уголовно-процессуальной политике, вырабатываемой соответствующими государственными органами, однако уголовно-процессуальная политика еще не привела к созданию ясной, вполне определенной концепции развития отечественного уголовного процесса. Примером непоследовательности и недостаточной продуманности законодательных решений может служить современное отношение законодателя к формированию процессуального статуса прокурора. Четкое определение путей развития отечественного уголовного судопроизводства обуславливается необходимостью ясного выбора модели уголовного процесса.

Ключевые слова: состояние и развитие российского уголовного судопроизводства, процессуальный статус прокурора, состязательность и инквизиционность.

Цитирование. Шадрин В. С. Разновекторность развития российского уголовного судопроизводства – парадокс или закономерность? // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 4. С. 36–42. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-4-36-42>.

V. S. Shadrin

MULTI-VECTOR DEVELOPMENT OF RUSSIAN CRIMINAL JUSTICE – A PARADOX OR A PATTERN?

© Shadrin Victor Sergeevich (vikt-shadr@yandex.ru), Doctor of Law, professor, professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Saint-Petersburg law institute (branch) of University of the Office of the Prosecutor of the Russian Federation, 44, Liteyny Avenue, St. Petersburg, 191104, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Ensuring the rights of an individual in the investigation of crimes». Author of 240 scientific and educational publications, including the scientific and practical publication «Criminal procedure activities of the prosecutor and preliminary investigation bodies» (2005), research and practical commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (M., 2002–2014).

Research interests: pre-trial proceedings, ensuring the rights of an individual, criminal procedural activities of the prosecutor.

ABSTRACT

The article draws attention to the introduction of amendments and additions to the criminal procedure law in order to improve criminal proceedings, often of the opposite nature – both aimed at protecting the person involved in the criminal proceedings, including as a suspected accused, defendant, and to increase opportunities criminal prosecution of these persons. The leading role in determining the vectors of development of criminal proceedings belongs, of course, to the criminal procedure policy developed by the relevant state bodies, but the criminal procedure policy has not yet led to the creation of a clear, well-defined concept of the development of the domestic criminal process. An example of inconsistency and insufficient reasonableness of legislative decisions is the current attitude of the legislator to the formation of the procedural status of the prosecutor. A clear definition of the ways of development of domestic criminal proceedings is due to the need for a clear choice of the model of the criminal process.

Key words: state and development of Russian criminal proceedings, procedural status of the prosecutor, adversarial and inquisitorial.

Citation. Shadrin V. S. *Raznovektornost' razvitiya rossiiskogo ugolovnogo sudoproizvodstva – paradoks ili zakonornost'?* [Multi-vector development of Russian criminal justice – a paradox or a pattern?]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 4, pp. 36–42. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-4-36-42> [in Russian].

Перманентное внесение в УПК РФ различных многочисленных поправок, далеко не всегда объяснимых с точки зрения необходимости или целесообразности выбора направления усовершенствования существующего в настоящее время уголовного судопроизводства, давно стало привлекать внимание представителей науки российского уголовного процесса. Еще более двенадцати лет назад С. А. Шейфер [1, с. 28–37], известный не только своими значительными научными достижениями в области доказывания по уголовным делам, но и стремлением принимать активное участие в разработке проблем уголовного судопроизводства в целом, непроста задался вопросом: куда же оно движется, каковы зримые векторы его развития, проявляющиеся в соответствующих изменениях и дополнениях уголовно-процессуального законодательства?

Проведенный довольно скрупулезно анализ внесенных в УПК РФ поправок по состоянию на 2007 г., независимо от оценки каждой из них, судя

по всему, несколько озадачил ученого тем, что «сам характер этих новелл оказался весьма и весьма разнонаправленным» [1, с. 29].

Обобщение же изменений и дополнений уголовно-процессуального законодательства привело к выводу о наличии в основном двух далеко не совпадающих направлений их появления. Первое (доминирующее) – усиление публичного начала в уголовном судопроизводстве в виде расширения прав стороны обвинения, определенного ограничения состязательности досудебного производства и прав стороны защиты. Второе (одновременно осуществляемое) – расширение прав стороны защиты, призванное в том числе укрепить состязательные элементы предварительного следствия [1, с. 29–30].

Выяснение причин и сущности такого феномена, по сути парадоксального, по мнению С. А. Шейфера, заключается в особенностях исторического момента, условиях, в которых принимался УПК РФ как уголовно-процессуальный закон

уже не советского, а демократического правового государства, основанный на Конституции Российской Федерации. Поскольку на его формирование оказывали активное влияние политические силы, течения, взгляды, в том числе в науке российского уголовного процесса, представленные противоборствующими силами в лице, с одной стороны, «либералов», а с другой – «консерваторов», создатели УПК РФ воплотили в нем попытку достичь некоего компромисса между ними, стремление совместить отнюдь не во всем совместимое. Однако, поскольку компромисс обычно не устраивает многих, а представители несовпадающих взглядов на современное уголовное судопроизводство никуда не делись, борьба за большее приближение УПК РФ уже после его принятия к их идеалу уголовного судопроизводства продолжилась и, видимо, будет продолжаться. Отсюда неизменно важен и неизбежно актуален вопрос: «каким стало и каким может стать в будущем наше уголовное судопроизводство» [1, с. 28–29]?

Надо отдать должное Соломону Абрамовичу – сделанная им более десятилетия назад оценка особенностей уголовного судопроизводства, отраженных в УПК РФ, причин их образования и последствий проявления оказалась достаточно адекватной и жизнеспособной, не утратившей своей актуальности и в настоящее время. С учетом ее содержания и значения представляется вполне уместным оценивать состояние, проблемы и тенденции развития российского уголовного судопроизводства сегодня и, по крайней мере, в ближайшем будущем. Ведь движущие силы изначального формирования нашего современного уголовного судопроизводства по-прежнему существуют, остаются на своих местах и продолжают оказывать свое влияние как на тенденции развития уголовного судопроизводства в целом, так и на частные корректировки его состояния. Хотя, разумеется, возможно некоторое изменение их соотношения, набора находящихся в их распоряжении аргументов, занимаемых в данный исторический момент в зависимости от политической конъюнктуры позиций по общим или отдельным проблемам правового регулирования производства по уголовным делам.

В формировании предпочтений законодателя по более интенсивному развитию, усилению того или иного из возможных направлений развития уголовного судопроизводства играют свою роль многие факторы. В том числе складывающаяся на протяжении относительно длительного времени правоприменительная практика, проявляющаяся в отношении дознавателей, следователей, прокуроров, судей к отдельным нормам или институтам уголовно-процессуального права. Так, на модернизацию ст. 237 УПК РФ, приведшую сегодня к почти полной трансформации института возвращения уголовного дела прокурору в известный советскому уголовному процессу институт возвращения уголовного дела для дополнительного расследования, вполне могла оказать свое влия-

ние заинтересованность в этом представителей не только стороны обвинения, но и судебной власти, которая представляется очевидной. Согласно данным социологического опроса, в частности положениям п. 6, введенного в ч. 1 ст. 237 УПК РФ Федеральным законом РФ от 21.07.2014 № 268-ФЗ и предусматривающего возможность возвращения уголовного дела прокурору (транзитом переправляющего дела следователю) для переквалификации инкриминируемого обвиняемому деяния по закону о более тяжком преступлении, положительную оценку дали 91,7 % опрошенных судей и 87,5 % опрошенных сотрудников прокуратуры [2, с. 198].

Ведущая роль в определении векторов развития уголовного судопроизводства принадлежит, разумеется, уголовно-процессуальной политике, вырабатываемой соответствующими государственными органами. Государство в лице федеральной законодательной власти, исходя из оснований и потребностей формируемой им политики, опирается в связи с корректировкой правовой регламентации уголовного судопроизводства на те научные разработки, теоретические позиции и результаты деятельности ученых, которые удовлетворяют ее в данное время. При этом, как следует из выводов современной общей теории права, научная новизна, заслуживающая внимания законодателя, предопределяется адекватностью достижений, выводов и предложений науки социальным ожиданиям, социальному запросу, исходящему от общества элит и референтных групп. Только, судя по всему, уголовно-процессуальная политика еще не привела к созданию ясной, устойчивой, вполне определенной концепции развития отечественного уголовного процесса. К чему склоняется или стремится законодатель относительно уголовного судопроизводства, понять непросто. Нередко его решения по совершенствованию правового регулирования производства по уголовным делам напоминают движение человека без заранее проложенного маршрута, определяющего направление следующих шагов в зависимости от только что увиденного, заранее не предусмотренного. Как показывает анализ последних изменений и дополнительный уголовно-процессуальный законодательства, даже при корректировке отдельных процессуальных норм проявляется стремление законодателя обеспечить некий баланс между расширением возможностей и обвинения, и защиты, что можно увидеть на примере внесения изменений и дополнений в ст. 281 УПК РФ Федеральным законом от 02.03.2016 № 40-ФЗ. С одной стороны, появилось, в виде п. 5 ч. 2 указанной статьи дополнительное основание для оглашения ранее данных потерпевшим или свидетелем показаний при неявке их в судебное заседание: если в результате принятых мер установить место нахождения потерпевшего или свидетеля для вызова в судебное заседание не представилось возможным. Что, несомненно, желательно для большего обеспечения интересов обвинения. С другой стороны, данная статья до-

полнена ч. 2.1, устанавливающей важное, с точки зрения интересов стороны защиты, условие оглашения по ходатайству сторон или по инициативе суда показаний неявившихся потерпевшего или свидетеля не только при наличии вновь введенного, но и всех иных установленных ч. 2 ст. 281 УПК для этого оснований: если обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу предоставлялась возможность оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами. Очевидно, что фрагментарные непрекращающиеся попытки законодателя создать как бы более благоприятные условия для производства по уголовному делу одновременно «и вашим и нашим» не позволяют выявить избранную законодателем направленность совершенствования уголовного судопроизводства, мало что дают для улучшения его системы в целом [3, с. 160, 162]. Безусловно, исходя из назначения уголовного судопроизводства, паритет обеспечения интересов обвинения и защиты должен соблюдаться, но логичнее было бы этого ожидать в конечном итоге правового регулирования производства по уголовному делу, а необязательно в каждом единичном случае его частной корректировки.

Отсутствие способной быть воспринятой законодательной властью в качестве руководства к действию достаточно выверенной и стройной концепции развития отечественного уголовного судопроизводства, учитывающей его историю и традиции, отвечающей насущным потребностям личности, общества и государства, приводит законодателя не только, образно говоря, «к топтанию на месте» в его усилиях произвести усовершенствование уголовного судопроизводства. Предпринимаются эксперименты, вызывающие сомнение в их целесообразности, дающие не вполне ожидаемые результаты, в том числе со знаком «минус», но способные надолго внедриться в нынешнюю правовую действительность уголовного судопроизводства. К таковым с учетом реалий сегодняшнего дня представляется возможным отнести, в частности, передачу ряда полномочий по процессуальному руководству предварительным следствием от прокурора руководителю следственного органа согласно Федеральному закону РФ от 05.06.2007 № 87-ФЗ. По данному поводу в юридической литературе имеется множество откликов «за» и «против», приводить которые в данной статье вряд ли необходимо, да и допустимый объем библиографии не позволит это сделать. Но некоторые аргументы в подтверждение сказанного выше представляется возможным и должным привести.

Как известно, реализованная в 2007 г. по благовидным мотивам обеспечения процессуальной самостоятельности следователя, а также объективности прокурора при оценке результатов его деятельности, концепция отстранения прокурора от руководства расследованием разрабатывалась еще в семидесятые годы прошлого столетия. Один из ее сторонников В. А. Стрёмовский конкретно

предложил лишить прокурора полномочий: производить следственные действия и производить расследование в полном объеме; разрешать отвод следователя; давать следователю указания; отменять постановления следователя; даже – утверждать обвинительное заключение [4, с. 70, 71]. При этом названный автор, наивно заблуждаясь или сознательно вводя других в заблуждение, утверждал: «...не существует никаких объективных оснований опасаться, что предлагаемая реорганизация следствия может подорвать или ослабить силу и авторитет прокурорского надзора» [4, с. 72]. Вопреки звучащему в данном утверждении далеко не вполне оправданному оптимизму, А. М. Ларин дальновидно дал предлагаемым нововведениям достаточно взвешенную и действительно объективную следующую оценку: «Таким образом, прокурору отводится роль безвластного ходока по инстанциям» [5, с. 131]. Данное предвидение ученого, между прочим, в прошлом следователя прокуратуры с более чем двадцатилетним стажем, увы, полностью подтвердилось.

Сторонники сохранения существующего в настоящее время положения прокурора, существенно ограниченного в своих возможностях как осуществления уголовного преследования в уголовном судопроизводстве, так и надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, порой прибегают к оперированию статистическими данными, свидетельствующими, по их мнению, о возможности со стороны руководителей следственных органов обеспечивать законность в деятельности следователей не в меньшей степени, чем прокуроры. Последним даже дается понять, что участие в досудебном производстве вообще не вызывается особой необходимостью. На сей счет в свое время дал достойный и компетентный ответ С. А. Шейфер: «Представляется, что роль прокурора в современном досудебном производстве должна определяться не на основе тех или иных ведомственных показателей работы поднадзорных прокурору следственных органов, а на более фундаментальной основе – функции, осуществляемой им в составительном уголовном процессе». Такая функция – обвинение (уголовное преследование). И особая роль прокурора состоит в том, что он – главный носитель обвинительной власти, «которая издавна определялась как обнаружение преступлений и преследование виновных» [6, с. 100]. Вскоре после введения в действие УПК РФ автор этих строк с учетом обозначения в ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурора как должностного лица, уполномоченного в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, отмечал, что прокурор безусловно является главным в уголовном преследовании. При этом прокурорский надзор фактически охватывается функцией уголовного преследования. Данную функцию

прокурор уполномочен осуществлять как лично, непосредственно, приняв уголовное дело к своему производству, так и посредством руководства (разумеется, предполагающего реализацию различных форм надзорной функции и применение средств прокурорского реагирования) деятельностью процессуально подчиненных ему иных органов уголовного преследования. А именно органа дознания и дознавателя, а также следователя и начальника следственного отдела. В последнем случае можно вести речь об опосредствованном осуществлении прокурором уголовного преследования [7, с. 15]. И в том и другом случае именно прокурор, и только он, принимает окончательное решение по уголовному делу с обвинительным заключением или обвинительным актом. Можно заметить, что при рассмотрении роли и полномочий прокурора по уголовному делу в указанном смысле моя точка зрения не расходится с позицией В. А. Лазаревой о выполнении прокурором в уголовном процессе функции обвинения или уголовного преследования. Другое дело, что я не готов разделить ее утверждение о том, что надзор прокурора в ходе предварительного расследования не является его функцией [8, с. 45]. Поскольку, признавая уголовное преследование одной из основных уголовно-процессуальных функций, придерживаюсь мнения о возможности разграничивать между собой основные функции всего уголовного судопроизводства (отраслевые – обвинения, защиты и разрешения дела), и функции лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, в том числе в его досудебной части.

После же внесения в УПК РФ поправок в соответствии с Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ положение прокурора в досудебном производстве кардинально изменилось. Де-факто в деятельности прокурора на первый план вышел надзор, в ходе осуществления которого за деятельностью органов предварительного следствия прокурор лишен реальных средств процессуального руководства их деятельностью. Но категорически утверждать, что прокурор полностью утратил возможность опосредствованного уголовного преследования при осуществлении надзора за деятельностью органов уголовного преследования в досудебном производстве не стоит. Ведь прокурор обладает полномочием по уголовному делу, поступившему к нему с обвинительным заключением, принимать решение о возвращении дела для дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения недостатков со своими указаниями. Пока указанные полномочия, предусмотренные п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ, остаются за прокурором, – что, безусловно, необходимо для надлежащего обеспечения надежности доказательственной базы обвинения, которое прокурору предстоит поддерживать в судебном заседании, – он имеет возможность существенно влиять на результаты предварительного следствия. Недаром именно эти полномочия

вызывают у жаждущих абсолютной свободы действий в досудебном производстве представителей органов предварительного следствия наибольшее неприятие, ассоциируясь в их представлении даже с «процессуальными челюстями» [9, с. 16].

Как известно, лишив прокурора важных полномочий по осуществлению уголовного преследования в досудебном производстве, законодатель затем некоторые из них вернул, в том числе полномочия знакомиться с материалами уголовного дела, находящегося в производстве органов предварительного следствия (ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ), отменять незаконные и необоснованные постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, приостановлении и прекращении уголовного дела (ч. 6 ст. 148, ч. 1.1 ст. 211, ч. 1 ст. 214 УПК РФ). И сделал это не в качестве подарка или утешения для прокурора, а в силу объективной необходимости усилить надежность обеспечения законности и обоснованности важнейших решений следователя по уголовным делам, с чем руководители следственных органов, очевидно, не вполне справлялись. Имеются предпосылки и для дальнейшего возвращения прокурору прежних полномочий вплоть до полного восстановления их в прежнем объеме. Как отметил Генеральный прокурор Российской Федерации Ю. Я. Чайка в своем докладе на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 10.04.2019, приходится констатировать, что позитивных перемен в работе органов расследования не произошло. В минувшем году количество нарушений законодательства, допущенных следователями всех ведомств, вновь увеличилось почти на 6 %. А за последние десять лет произошел их рост в 2,5 раза – с 537 тыс. в 2009 году до 1 млн 300 тыс. в 2018 году (genproc.gov.ru). Одновременно весьма симптоматично, что базовые положения, определяющие правовой статус прокурора (ч. 2 ст. 37, ч. 1 ст. 86 УПК), независимо от ограничения ряда его полномочий до сего времени сохранены неизменными. Тем самым законодатель, по существу, оставляет за собой возможность в данной правовой основе в любой момент вернуть процессуальное положение прокурора на исходные позиции начала 2007. Хотя не исключается, что в затянувшихся поисках некоей оптимальной модели современного отечественного судопроизводства законодатель в ближайшее время и не решится на такой шаг, тем самым подтвердив неутешительный прогноз Л. М. Володиной: «...в условиях ныне действующего УПК процессуальное положение прокурора будет предметом “длительной игры в пинг-понг” законодателя – то лишаящего его ряда должностных полномочий, то возвращающего часть из них» [10, с. 127].

Вопрос о не оправдывающем себя экспериментировании с процессуальным статусом прокурора важный, но лишь частный в сравнении с действительно крупным вопросом, который поднимал в своих трудах С. А. Шейфер, – проблемным вопро-

сом о типе и характере российского уголовного судопроизводства в целом.

Если наше уголовное судопроизводство сохраняет свое значение как процесс континентального типа, – где судебное разбирательство является состязательным, а досудебное производство сохраняет черты инквизиционности, – прокурор должен обладать комплексом всех необходимых полномочий как для опосредствованного, так и для непосредственного уголовного преследования в досудебном производстве. Как это есть, в частности, за рубежом, в том числе в Германии или в Швейцарии согласно УПК 2007 г. Если нет – вопрос о процессуальных полномочиях прокурора выглядит во многом иначе.

Но, думается, судьба отечественного уголовного судопроизводства, несмотря на все связанные с его модернизацией современные перипетии, довольно прочно связана с процессом именно континентального, смешанного типа. И хотя некоторые элементы состязательности и проникли в досудебное производство, – что в известной мере оправдано с учетом необходимости достойного обеспечения прав вовлекаемой в уголовное судопроизводство личности, – они вряд ли в состоянии перевесить чашу весов в сторону превращения российского уголовного процесса в полностью состязательный. Тем не менее есть немало представителей не только науки уголовного процесса, но и общественных, политических кругов, допускающих такую возможность или питающих на это надежды.

Разумеется, в условиях современной России представители любых взглядов и убеждений вправе рассчитывать на внимание к себе со стороны органов государства, в том числе законодательной власти, которая при формулировании и совершенствовании положений соответствующего законодательства стремится к принятию приемлемых для большинства заинтересованных лиц решений. Поэтому появление законодательных новелл в области уголовного судопроизводства, отдающих в той или иной мере парадоксальностью, видимо, неизбежно. Как и пресловутый «путь проб и ошибок», который российскому уголовному судопроизводству еще предстоит пройти до достижения состояния, действительно отвечающего интересам и потребностям как отдельной личности, вовлекаемой в производство по уголовному делу, так и российского общества в целом.

В сущности, происходящее в настоящее время с российским уголовным судопроизводством наглядно отражает проявление применительно к нему разработанной Гербертом Пакером концепции двух постоянно конкурирующих между собой моделей. Одна из них исходит из приоритета защиты при производстве по уголовному делу прав и свобод личности, другая же во главу угла ставит защиту общества от преступлений. Как отмечается в указанной связи с учетом мирового опыта, «постоянные колебания между моделью “надлежащей правовой процедуры” и моделью “контроля над

преступностью” характерны для всех государств без исключения. Иногда они происходят даже одновременно, когда в одном уголовно-процессуальном законе можно обнаружить признаки как той, так и другой модели; иногда имеют характер достаточно хаотичных и быстро сменяющих друг друга “реформ” и “контрреформ”; иногда растягиваются на относительно долгие периоды явного господства одной из двух моделей» [11, с. 58]. Хотя осознание подобного феномена может служить, пожалуй, слабым утешением.

Библиографический список

1. Шейфер С. А. Куда движется российское судопроизводство? (Размышления по поводу векторов развития уголовно-процессуального законодательства) // Государство и право. 2007. № 1. С. 28–37. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9449842>.
2. Чигрин Д. А. Государственное обвинение в российском уголовном процессе: проблемы формирования и поддержания (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2018. 247 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/gosudarstvennoe-obvinenie-v-rossiiskom-ugolovnom-protseesse-problemy-formirovaniya-i-podderzh>.
3. Шадрин В. С. Уголовно-процессуальная политика, наука и уголовное судопроизводство // Библиотека криминалиста. 2017. № 1 (30). С. 158–165. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28098706>.
4. Стрёмовский В. А. Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1966. 259 с.
5. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. 160 с.
6. Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М., 2013. 192 с. URL: <https://znanium.com/bookread2.php?book=405427&spec=1>
7. Шадрин В. С. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора и органов предварительного расследования. СПб.: СПб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2005. 180 с.
8. Лазарева В. А. Прокурор в уголовном процессе: учебное пособие для магистров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012. 295 с. URL: http://static2.ozone.ru/multimedia/book_file/1009505568.pdf.
9. Цветков Ю. А. Кризис социально-правовой идентичности следователя и прокурора // Уголовное судопроизводство. 2014. № 1. С. 14–20. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21289565>.
10. Володина Л. М. Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации. М.: Юрлитинформ, 2018. 296 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32422555>
11. Курс уголовного процесса / под ред. проф. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1280 с. URL: <https://znanium.com/bookread2.php?book=1014829>.

References

1. Sheifer S. A. *Kuda dvizhetsya rossiiskoe sudoproizvodstvo? (Razmyshleniya po povodu vektorov razvitiya ugolovno-protseessual'nogo zakonodatel'stva)* [Where does the Russian court procedure move?

(Thoughts on the question of vectors of development of criminal court proceedings)]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2007, no. 1, pp. 28–37. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9449842> [in Russian].

2. Chigrin D. A. *Gosudarstvennoe obvinenie v rossiiskom ugolovnom protsesse: problemy formirovaniya i podderzhaniya (sravnitel'no-pravovoe issledovanie): dis ... kand. jurid. nauk* [State prosecution in the Russian criminal process: problems of formation and maintenance (comparative legal research): Candidate's of Legal Sciences thesis]. Ufa, 2018, 247 p. Available at: <https://www.disserscat.com/content/gosudarstvennoe-obvinenie-v-rossiiskom-ugolovnom-protsesse-problemy-formirovaniya-i-podderzh> [in Russian].

3. Shadrin V. S. *Ugolovno-protsessual'naya politika, nauka i ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal procedural policy, science and criminal proceedings]. [Criminalist's library. Scientific journal], 2017, no. 1(30), pp. 158–165. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28098706> [in Russian].

4. Stremovsky V. A. *Uchastniki predvaritel'nogo sledstviya v sovetskom ugolovnom protsesse* [Participants in the preliminary investigation in the Soviet criminal process]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rostovskogo un-ta, 1966, 259 p. [in Russian].

5. Larin A. M. *Rassledovanie po ugolovnomu delu: protsessual'nye funktsii* [Criminal investigation: procedural functions]. M., 1986, 160 p. [in Russian].

6. Sheyfer S. A. *Dosudebnoe proizvodstvo v Rossii: etapy razvitiya sledstvennoi, sudebnoi i prokurorskoj vlasti* [Pre-trial proceedings in Russia: stages of development of investigative, judicial and prosecutorial

power]. M., 2013, 192 p. Available at: <https://znanium.com/bookread2.php?book=405427&spec=1> [in Russian].

7. Shadrin V. S. *Ugolovno-protsessual'naya deyatel'nost' prokurora i organov predvaritel'nogo rassledovaniya* [Criminal procedural activity of the prosecutor and bodies of preliminary investigation]. SPb.: SPb. jurid. in-t General'noi prokuratury RF, 2005, 180 p. [in Russian].

8. Lazareva V. A. *Prokuror v ugolovnom protsesse: uchebnoe posobie dlya magistrrov. 2-e izd., pererab. i dop.* [Prosecutor in the criminal process: textbook for Master's Degree Students. 2nd edition, revised and enlarged]. M.: Yurait, 2012, 295 p. Available at: http://static2.ozone.ru/multimedia/book_file/1009505568.pdf [in Russian].

9. Tsvetkov Yu. A. *Krizis sotsial'no-pravovoi identichnosti sledovatelya i prokurora* [Crisis of the social and legal identity of investigator and attorney]. *Ugolovnoye sudoproizvodstvo* [Criminal Judicial Proceeding], 2014, no. 1, pp. 14–20. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21289565> [in Russian].

10. Volodina L. M. *Naznachenie ugolovnogo sudoproizvodstva i problemy ego realizatsii* [Appointment of criminal proceedings and problems of its implementation]. M.: Yurлитinform, 2018, 296 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32422555> [in Russian].

11. *Kurs ugolovnogo protsessa. Pod red. professora L. V. Golovko. 2-e izd., ispr.* [Course of criminal trial. L. V. Golovko (Ed.). 2nd edition, revised]. M.: Statut, 2017, 1280 p. Available at: <https://znanium.com/bookread2.php?book=1014829> [in Russian].